Вестник Томского государственного университета. 2021. № 462. С. 103–109. DOI: 10.17223/15617793/462/13

УДК 316: 314.74

К. Шифф, М. Дебренн

ОДНО ЭТНИЧЕСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ – ДВЕ СУДЬБЫ: НОВОПРИБЫВШИЕ VS ПОТОМКИ МИГРАНТОВ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и французского фонда «Fondation Maison des sciences de l'homme» в рамках научного проекта №18-510-22001.

Рассмотрена специфика иммиграционной ситуации во Франции. После краткой истории иммиграции во Францию, авторы останавливаются на специфической ситуации, где пересекаются дети и внуки тех, кто иммигрировал ранее, и те, кто сами приехали из тех же стран в молодом возрасте. Первые ощущают гнет стигматизации по этническому принципу и с трудом выбираются из своей социальной среды, вторые, наоборот, готовы преодолеть трудности и приспособиться к требованиям принимающего общества.

Ключевые слова: Франция; иммиграция; аккультурация; потомки мигрантов.

Франция – страна иммиграции

Франция – старая европейская страна, создававшаяся в результате многочисленных волн миграций. Расположенная у западного края Европы (название одного региона в Бретани, «Финистер», означает «конец земли»), она стала прибежищем для различных народов. После носителей культуры эпикардиальной керамики (начиная с 5 200 до н.э.) пришли те, кто воздвигал мегалиты. Позднее (с V в. до н. э.) лигуры, иберы и греки стали создавать первые города на побережье Средиземного моря.

Таким образом, Марсель (греческий город Массалия) – самый древний город Франции. Затем на территорию, соответствующую нынешней Франции и традиционно называемую шестиугольником, из Центральной Европы пришли кельты, которых здесь назвали галлами (V–IV в.), а позднее, с юго-востока, римляне (II в.). На какое-то время установилось равновесие, приведшее к возникновению галло-римской культуры.

В IV в. н. э. случилось то, что французские учебники по истории называют «великие нашествия», а русские – более политкорректно – «великое переселение народов», и на эту же территорию устремились (и там обосновались) с востока и с севера Европы франки, бургунды, вестготы, бриты. Мы сейчас называем «французским» тот язык, на котором, в результате, стали говорить жители севера «шестиугольника», дав, таким образом, германское (франкское) название романскому (латинскому) языку, на котором говорили галлы – потомки кельтов. В Средневековье масштабные миграции населения продолжались, на северо-западе Франции обосновались викинги, создав провинцию под названием «Нормандия» (нормандцы – «люди с Севера»), омейяды владели Септиманией (на юге Франции) в течение полувека (713–754), а после свадьбы Алиеноры Аквитанской с наследником английского трона Генрихом II, Аквитания стала принадлежать Англии.

До сих пор для англичан французское побережье Атлантического океана – любимое место отдыха. Жители же «шестиугольника» в первую очередь отождествляли себя со своей малой родиной – небольшим регионом, называемом «пэи» (pays), которых на территории Франции насчитывается более 500. Как известно, различают примерно столько же видов сыра и прочих гастрономических специалитетов. На всей территории страны, даже в ее северной половине, не было единого языка. Исследование, проведенное в 1790–1792 гг., показало, что из 28 млн жителей страны 6 млн совершенно не знали французского языка, а еще 6 млн знали его настолько плохо, что не были в состоянии поддержать разговор. Понятие нации, как общности граждан государства, подчиняющихся общим законам (определение, данное Э. Сийесом), стало развиваться после Великой французской революции, и с этого времени можно говорить о едином французском народе.

Вышеизложенное означает, что прекратились миграции. Особенно интенсивными они стали в XIX и XX вв., когда французское правительство призывало жителей других стран приехать и помогать строить французскую промышленность или восстанавливать страну после войн. Таким образом, во Францию приехали бельгийцы, поляки, итальянцы. Конец французской колониальной империи (середина XX в.) привел к тому, что те, кто стали приезжать из бывших колоний во Францию на учебу или в поисках работы, теперь воспринимались (и учитывались в статистике) как иностранцы, хотя до этого они были если не совсем полноценными гражданами, то хотя бы подданными страны – точно так же, как это случилось позже с СССР, когда жители бывших советских республик в одночасье стали иностранцами в России.

Несмотря на кажущееся этническое разнообразие на ее улицах, в настоящее время среди европейских стран Франция не является страной с наибольшей пропорцией иностранцев, куда с особым рвением устремляются мигранты. Согласно данным ЮНЕСКО, в 2015 г. иммигранты составляли 12,0% от населения страны, примерно столько же, сколько в Беларуси (11,7%) или Испании (12,4%), но меньше, чем в Германии (14,5%) или Швеции (16,9%). Между 2004 и 2012 гг. ежегодно примерно 200 тыс. иммигрантов пересекли границу в сторону Франции, что представляет около 0,3% населения Франции, тогда как в среднем по Европе эта цифра составляет 0,6%. Радикально настроенные СМИ часто играют словами и цифрами, поэтому необходимо четко различать некоторые термины.

Иностранцем называют человека, не являющегося гражданином той страны, где он проживает, независимо от того, где он родился. Так, в 2014 г., из 65,8 млн жителей Франции, 62,2, т.е. 94,7%, были французскими гражданами. Среди иностранцев же 0,6% родились на территории Франции, т.е. мигрантами не являются.

Согласно определению французской статистической службы INSEE, **мигрант** (иммигрант, эмигрант) – человек, родившийся в одной стране, но проживающий в другой больше одного года. Впоследствии он может получить гражданство второй страны, но не перестает быть при этом мигрантом – ведь место своего рождения он изменить не может. Таким образом, во Франции в 2014 г. проживало 58,8 млн человек, родившихся во Франции (89,4%), и 7,6 млн (11,5%), родившихся вне Франции, среди которых 1,7 млн являлись французскими гражданами и не подпадали под определение «мигрант». В целом в том году проживало во Франции 5,8 млн (8,8% населения) мигрантов.

Согласно этому определению, говорить о мигрантах второго или третьего поколения абсурдно (поскольку эти люди родились в стране, куда приехали их родители, а не мигрировали сами сюда), можно говорить лишь о «потомках мигрантов». Цифры в данной области сильно разнятся. Так, в 2008 г. приводилась цифра в 7,8 млн (8,8%) французских граждан, являющихся потомками мигрантов. Однако, по результатам проведенного в 2010 г. исследования, Музей иммиграции утверждает, что каждый четвертый француз имеет иммигрантские корни [1]. Все, видимо, зависит от того, сколько поколений считать.

Молодежь разных волн миграции из Северной и Центральной Африки

В рамках проекта «Социально-экономическая и культурная среда современного университетского города: сравнительный анализ Томска, Новосибирска, Монпелье и Бордо» выявляются острые проблемы, с которыми сталкиваются университетские города Франции, анализируется актуальность этих вызовов для городов Сибири и приводятся современные французские социологические исследования по данной тематике. Так, готовится к переводу наша книга Schiff Beurs et Blédards (русский перевод Клэр Шифф «Бёры vs бледары: представители разных волн миграции из неевропейских стран во французском обществе») [2].

В этой работе изложены основные выводы сопоставительного исследования двух категорий проживающей во Франции молодежи иммигрантского происхождения. С одной стороны, это недавно приехавшая молодежь, с другой – потомки во втором или третьем поколении мигрантов предыдущих волн [2]. Последние либо уже являются гражданами Франции, либо получат гражданство в 18 лет, поскольку родились на территории страны. Они учились во французских детских садах и школах и владеют французским языком. Первые же, чаще всего, не знают языка, как и их родители, и их школьная траектория делится на «до» и «после» миграционного эпизода. Несмотря на то, что и те, и другие могут иметь одно и то же этническое происхождение, их судьбы и отношение к Франции как к стране, принявшей их, сильно отличаются.

Цель данного исследования – провести грань между явлением негостеприимства по отношению к новоприбывшим и их адаптации во Франции, с одной стороны, и вопросом интеграции потомков мигрантов, иногда неудавшейся, но в большинстве случаев успешной – с другой. Необходимо разобраться с путаницей между вопросом интеграции новоприбывших и проблемой маргинализации и девиантного поведения некоторых молодых французов иммигрантского происхождения. Мы надеемся, что данное исследование позволит более полно взглянуть на картину событий последних лет во Франции, чтобы лучше понять, кем являются и, в особенности, кем не являются радикально настроенные молодые люди, каково отношение новоприбывших к принимающему их обществу.

Мигранты, приехавшие в «славном тридцатилетии» (1946–1975), в большинстве своем – малообразованные крестьяне, стали родителями, бабушками и дедушками современных французских граждан иммигрантского происхождения. Последние получили доступ к гораздо более высокому уровню образования, нежели их родители, но при этом не всегда смогли устроиться на желаемую работу. Кроме того, в районы, где они проживают, стали прибывать все новые и новые иммигранты из длинного списка стран, чьи социальный статус и уровень образования нередко оказываются довольно высокими. В то же время условия их обустройства во Франции все ухудшаются – из-за сохранения высокого уровня безработицы, ужесточения иммиграционного законодательства, подъема Национального фронта и социальных тенденций в неблагополучных районах.

Проведенные в США за последние 20 лет исследования интеграции иммигрантов и межэтнических отношений в городских условиях сосредоточены на различиях и отношениях между старыми, так называемыми расовыми меньшинствами, такими как афроамериканцы или чикано, и новыми иммигрантами азиатского, испанского и иного происхождения, которые в массовом порядке стали прибывать с начала 1980-х гг. Эти работы позволяют понять, как изменились условия интеграции в крупных городах Северной Америки, как опыт их предшественников и представителей давно сложившихся меньшинств определяет жизнь новоприбывших и их детей при все более разнообразной иммиграции и усиливающемся процессе сегрегации в городах.

Так, исследования Р. Сампсона показывают, что вместо того чтобы представлять угрозу социальному единению в неблагоприятных районах больших городов, прибытие новых мигрантов вызвало в этих районах снижение преступности, возрождение предпринимательства и укрепление семейных отношений. Заинтересованность новоприбывших, их усиленные общинные связи и способность извлечь выгоду из своего положения, даже в сложных городских условиях, возможно, объясняют это положительное влияние на социальную слаженность в городах [3]. Долгое время

идея интеграции иммигрантов и их потомков характеризовалась тем, что американские исследователи называют straight-line theory (теорией линейности). Ее основная мысль заключается в том, что с каждым новым поколением при прохождении определенных этапов процесса ассимиляции наблюдалось постепенное сближение групп иностранного происхождения с господствующей культурой среднего класса [4]. Однако в настоящее время многие исследователи сомневаются, что этот взгляд на ассимиляцию способен объяснить положение новых поколений мигрантов, прибывающих из неевропейских стран [5].

Для новых иммигрантов из Латинской Америки, Азии и с Карибских островов, которые массово въехали в США после отмены в 1965 г. этнических квот на выдачу виз, классическая модель перестает быть актуальной. Из-за того, в частности, что они относятся к «видимым» меньшинствам, они рискуют гораздо больше, чем прежние мигранты, быть смешанными с афроамериканским меньшинством, находящееся в положении социальной изоляции и составляющее главный отрицательный полюс американского общества.

Кроме того, после исчезновения индустриального сектора, изменился и рынок труда, обеспечивавший мигрантов стабильной и хорошо оплачиваемой работой, которая – в свою очередь – открывала доступ к социальной мобильности поколению за поколением. Разделение рынка труда на неустойчивые рабочие места, не требующие квалификации, где чаще всего были заняты новоприбывшие, и на профессии, предусматривающие все более высокую квалификацию, привела к уменьшению количества устойчивых промежуточных позиций, которые были основным путем социальной мобильности для потомков мигрантов во втором поколении [6]. Теперь для продвижения вверх потомкам мигрантов нужно преодолеть за одно поколение несколько ступеней социальной лестницы.

Наконец, усиление городской сегрегации и ухудшение социального климата в микрорайонах, где проживают в основном мигранты и представители различных этнических меньшинств, приводят к появлению молодежных сообществ, для которых характерны ранний уход из школы, преступность и безработица. Таким образом, молодые мигранты или потомки мигрантов, чьи семьи обосновались в этих районах, скорее всего, будут сталкиваться с «понижающей» или «нисходящей» ассимиляцией. Чтобы защитить себя от этой опасности, некоторые используют стратегии уподобления, которые называются «выборочными» или «отсроченными». Они считают, что замыкание на свою этническую группу замедляет приобщение иммигрантской молодежи к потребительским ценностям американского общества и препятствует их взаимодействию с неблагополучной молодежью, однако обеспечивая им возможность трудоустройства в местах, которые до этого были заняты их родителями [7].

Молодых мигрантов, прибывших во Францию в юности, часто распределяют в адаптационные классы средней школы, что чаще всего приводит к раннему выходу из школьной системы, к их распределению в дуальное или профессиональное образование с получением свидетельства о профессиональной подготовке (CAP) или, в лучшем случае, диплома о профессиональном образовании (BEP). Процесс профессиональной интеграции обусловлен конфронтацией, с одной стороны, между ожиданиями и поведением молодых и ограничениями и требованиями рынка труда, чьи правила значительно отличаются от правил школьного мира, с другой.

В исследованиях, проведенных в технологических и интеграционных классах, обнаружилось, что новоприбывшие ученики находят места для стажировок легче, чем их одногруппники, родившиеся во Франции. Многие проходят стажировку в компаниях, руководимых членами своих этнических общин, будь это производство одежды (турки) или торговля (ланкийцы, пакистанцы), но мы также часто отмечали, что ученики-мигранты самостоятельно проходили стажировку в компаниях, не относящихся к их родным общинам. Языковые трудности, которые могли послужить основанием для отказа от их кандидатуры, компенсировались настойчивостью и естественным послушным и уважительным поведением по отношению к работодателю. Наиболее уязвимыми и подверженными расовой дискриминации являются, с одной стороны, низкоквалифицированная молодежь второго поколения и, с другой стороны, высококвалифицированные, но не имеющие нужных связей мигранты неевропейского происхождения последней волны. Если говорить о недавно прибывших мигрантах, для них более характерны феномены эксплуатации и прекаризации (неустойчивые формы занятости). Сравнительные данные о жизненном пути безработных среди иностранцев и среди потомков мигрантов подтверждают также, что возврат на рынок труда после потери работы сложнее для тех, у кого французское гражданство, чем для тех, кто сохранил гражданство страны происхождения. Аналогичным образом прибытие во Францию в более молодом возрасте не снижает риск столкнуться с безработицей, о чем свидетельствуют немногие исследования, принимающие во внимание возраст по прибытии.

Таким образом, в сравнении с формальными критериями интеграции, такими как гражданство и продолжительность проживания во Франции, во вступлении в мир трудовых отношений более важную роль играют личная предрасположенность и ожидания касательно трудовых отношений и условий труда.

Хотя для молодежи второго поколения все еще существуют классические пути ассимиляции, характеризующиеся совмещением аккультурации и социальной мобильности, исследователи наблюдают рост двух других способов, а именно – ассимиляции с городскими изгоями и экономической интеграции путем создания этнических ниш, сопровождающихся преднамеренным замедлением аккультурации к окружающему обществу.

Для понимания причин, по которым молодые поколения из различных групп иммигрантов придерживаются того или иного из описанных выше способов адаптации, крайне важно учитывать местный контекст, в который они помещены. Глобальные преобразования общества, а также особенности групп, безусловно, опосредованы окружающей средой [8]. Таким образом, чем агрессивнее среда и чем меньше мигранты владеют эко-

номическим и культурным капиталом данного общества, тем больше данное этническое сообщество стремится замыкаться в себе, чтобы оградить самых молодых от неблагоприятной ассимиляции. К примеру, Лагранж отмечает, что эндогамные союзы между потомками мигрантов одного происхождения гораздо чаще встречаются в сегрегированных районах [9. P. 217].

Растущее навешивание ярлыков и вытекающая из этого социальная изоляция неблагополучных пригородных кварталов заставляют их жителей уйти в себя. Это особенно характерно для молодежи, принадлежащей к видимым меньшинствам, которая испытывает противоречивое давление ассимиляции и дискриминации, потери общинных связей и трудной идентификации с большинством населения. Эти молодые «внутренние мигранты» наделяют свой микрорайон молодежной идентичностью с этническим оттенком, строят для себя территорию, не похожую ни на ту, в которой жили их родители и деды, ни на территорию средних классов вымышленного французского общества, с которым они себя отождествляют лишь наполовину. Это настоящее микрообщество развивается независимо от влияния старших, а группа сверстников выступает в качестве основной единицы социализации для молодых людей, родившихся в принимающей стране [10].

Эта посредническая функция группы сверстников – универсальное явление в адаптации потомков мигрантов во втором поколении, живущих в городской среде, и она встречается в разные эпохи и в разных национальных условиях. Действительно, наблюдается поразительно сходство между описанием, которое дает Г. Ганс о жизни молодых людей итальянского происхождения, живущих в бедном районе Бостона в 1950-е гг., и нашими наблюдениями над группами молодых иммигрантов, проживающих в неблагополучных районах французских пригородов. Гендерное и возрастное распределение, упор на маскулинность, одержимость «репутацией», центральная роль консюмеризма в социальных отношениях между молодыми и чувство отдаленности от среднего класса – все это возникает из появления потомков мигрантов во втором поколении в народных классах, проживающих в районах с высокой концентрацией иммигрантов, а не из копирования какой-либо культуры страны происхождения [11–13].

Попытки восстановить более или менее этническую коллективную принадлежность отличаются от того, что испытывают новоприбывшие мигранты, малознакомые с принимающим обществом. Они все еще ощущают себя в пути, на задворках общества, в котором они не уверены, что останутся, и по отношению, к которому они испытывают смесь благодарности и равнодушия. Они видят принимающую страну как источник ресурсов, а то и как убежище – если спасаются от преследований на родине, но не как место для конфликтов, как его видят потомки мигрантов из Северной или Центральной Африки.

Таким образом, отношения потомков мигрантов и новоприбывшей молодежи к господствующему пространству и французской национальной идентичности принимают диаметрально противоположные формы. Что касается обладания французским гражданством, многие молодые чернокожие или магрибские выходцы из пригородов считают, что подобное доказательство принадлежности к французскому обществу – обман. Как они говорят, «даже с гражданством в нас всегда видят лишь арабов или негров. О нас судят по кварталу, где мы живем» [14]. Наоборот, некоторые молодые новоприбывшие мигранты выражают желание стать французами не из-за приверженности республиканским идеалам, а для того, чтобы иметь возможность путешествовать в те страны, где проживают другие члены их общин, или потому, что обладание гражданством одной из европейских стран защищает их от гонений при возвращении на родину. Первые не чувствуют себя французами, потому что ощущают себя изгоями во Франции; вторые хотят стать французами, чтобы иметь возможность выехать из Франции.

Когда некоторые молодые, родившиеся во Франции, становятся изгоями из-за этнического происхождения и квартала проживания, отвергают символы национальной идентичности, они на самом деле действуют согласно логике этнического меньшинства. Именно потому, что они являются неотъемлемой частью французского населения, они осуждают ложные представления о доминирующей идентичности, которые якобы не замечают различий. И наоборот, когда новоприбывшие стремятся соответствовать образу «хорошего мигранта», стремящегося влиться в общество, став французом, это часто стратегическое поведение, направленное на поиск безопасности и благополучия, которое является свойственным новоприбывшим и относится к миграционной логике [15].

Новоприбывшие мигранты демонстрируют относительную готовность приспособиться к требованиям французского общества, поскольку рассчитывают получить некоторые преимущества в виде социального роста во Франции или на родине. Наоборот, некоторые разочарованные молодые люди второго или третьего поколения претендуют на культурное своеобразие и отказываются проявлять признаки требуемой «хорошей» интеграции, потому что, по их мнению, жертвы, на которые пошло поколение их родителей, не были вознаграждены подъемом по социальной лестнице и ожидаемым признанием.

Из-за их дистанцирования от принимающей страны отношение новых мигрантов к французскому обществу менее проблематичное, чем у жителей пригородов – потомков мигрантов из бывших колоний. У первых трудности и препятствия в интеграции пока еще не воспринимаются как признаки стигматизации. Принимающая страна все еще расценивается как кладезь возможностей, из которой новоприбывшие собираются извлечь максимальную выгоду, а не как место для конфликтов и изоляции. Проблемы, с которыми сталкиваются молодые новоприбывшие мигранты, обусловлены их непониманием институтов и членов общества, а не тем, как на них смотрят.

Особенности конструирования идентичности новоприбывшими и потомками мигрантов

Эта ситуация иллюстрирует классическую проблематику иностранца-мигранта. Процесс эмансипации,

сопровождающий миграцию, приводит к дилемме «маргинального человека», как это назвал давно Р. Парк [16]. Мигрант, еще не прошедший процесс интеграции в принимающее общество, но все более отдаленный от своего родного общества, особенно если он молод, попадает в положение «между двух огней», в ситуацию неопределенности, которая противопоставлена ситуации представителей ассимилированных этнических меньшинств. Таким образом, именно иностранец теряет свои корни, а не представитель этнического меньшинства, который часто слишком укоренен, слишком крепко отождествляет себя со своим происхождением или местом проживания. Чувство непохожести, отстраненности от мира и растерянности в связи с многообразием совершаемых выборов, которые испытывает предоставленный самому себе в незнакомой среде мигрант, отличается от чувства отстраненности от себя самого, испытанное заклейменным представителем этнического меньшинства, уникальность которого подвергается угрозе из-за давления негативного социального статуса и применяемых к нему стереотипов.

Для мигранта характерны изгнание и потеря корней, а представитель этнического меньшинства является заложником своего социального положения. Мигрант – этот тот, кто не на своем месте, кого не знают, кого не понимают и с которым в принципе не находят общего языка. Он по сути своей чужой. Представитель этнического меньшинства, напротив, – это тот, кого слишком хорошо знают, о котором полагают, что знают все, чей язык слишком закодированный, одновременно знакомый и подозрительный.

В то время как мигрант появляется как своего рода «чистый лист», представителю меньшинства всегда предшествуют его имидж и репутация в обществе. Мигрант – призрак, а представитель меньшинства – символ. И тогда как отношение к иностранному мигранту объективно и универсально, поскольку единственное, что объединяет нас с ними – это наша принадлежность к человеческому роду, отношение к представителям меньшинств очень своеобразно и всегда тесно связано с совместной, болезненной и часто замалчиваемой историей: рабством, колонизацией, депортацией. Иными словами, мы с ним разделяем историю, которая его предопределяет. Но в той мере, в которой мы отказываемся признавать, что эта история и наша тоже, и брать на себя ответственность за ее последствия, эти последствия обретают реальность, становятся причиной неразрешимого различия между ними и нами.

Представитель меньшинства ставит под сомнение систему изнутри, потому что в нем воплощены ее противоречия. Именно несоответствия между провозглашенными ценностями равенства и дискриминаций в реальности, между теорией и практикой и предопределяют представителя меньшинства. Во Франции его положение раскрывает напряженность между позитивной, республиканской и универсальной концепцией национальной идентичности и темной стороной этой же идентичности, в которой сознательно умалчиваемые этнические и расовые аспекты могут вернуться в любой момент [17]. Наоборот, мигрант подвергает сомнению систему извне, потому что пытается понять и разгадать ее, овладеть основами и осмыслить противоречия и исключения [18].

Понимание того, как функционирует принимающее общество, позволяет иногда мигранту объединить ресурсы, которые он получает здесь, с теми, которые он привез с собой. Он потенциально выступает как расчетливый стратег, например, когда внешне принимает правила, но лишь для того, чтобы извлечь из них выгоду. Представитель же меньшинства потенциально является бунтарем, поскольку он может преодолеть свою неполноценность, только осуждая лицемерие двойных стандартов, жертвой которых становится в первую очередь.

Проводя различие между опытом двух типов молодых иммигрантов, мы надеемся, что нам удалось пролить свет как на риски маргинализации, так и на ресурсы изобретательности и стойкости, которыми характеризуются эти две категории. В своей самой негативной форме опыт мигранта можно свести к испытанию экономической чрезмерной эксплуатации, к «деморализации» [19] из-за жизни на чужбине, или же к подчинению себя сообществу соотечественников и его традиционной иерархии. И наоборот, опыт миграции может привести к индивидуальной раскрепощенности, при которой сочетаются сильное чувство принадлежности и раскованная культурная идентичность, толкающая к принятию на себя ответственности перед общиной и ознакомлению окружающего общества с ее особенностями. Участие в культурных ассоциациях, «этническое» просветительство, направленное на модернизацию и раскрытие общины происхождения, являются выражением такого конструктивного подхода.

Стигматизация представителя этнического меньшинства может, с одной стороны, привести к его подчинению группе сверстников и ее кодексу поведения, к принятию позиции «живущего на пособие» и к отторжению принимающего общества [20]. С другой стороны, она может быть преобразиться в мобилизацию, в культурное творчество, сочетающее элементы наследия предков и современной молодежи, а также в активную гражданскую позицию, направленную на преобразование местной обстановки на уровне жизни микрорайона.

Для того чтобы выделиться, представитель этнического меньшинства должен в конце концов избавиться от того образа, который общество ему приписывает. Задача для него состоит в том, чтобы отдалиться от расового образа с тем, чтобы построить собственную идентичность, преодолев отношения господства и эксклюзии, и проецировать себя в будущее, которое не будет повторением настоящего. Мигрант, наоборот, всегда рискует остаться слишком далеким от настоящего, живя мыслями о другом месте, постоянно думая о возвращении на родину. Поэтому перед ним стоит вопрос о том, чтобы выстроить отношения с внешней позиции, найти общий язык, позволяющий ему ознакомить принимающее общество со своей исключительной историей и культурой. Если для первых трудность состоит в том, чтобы отдалиться от непосредственной реальности, то для вторых настоящим испытанием является участие в ней здесь и сейчас.

ЛИТЕРАТУРА

1. INED-INSEE, Trajectoires et origines. Enquête sur la diversité des populations en France. Premiers résultats, Octobre 2010, Document de travail, n° 168.
2. Schiff C. Beurs et Blédards, le Bord de l'Eau. 2015. 260 p.
3. Sampson R.J. Immigration and America's Urban revival // The American Prospect. 2015. P. 22–24.
4. Immigrant Adaptation and Native-born Responses in the Making of Americans // International Migration Review. 1997. Vol. 31.
5. Safi M. Le processus d'intégration des immigrés en France: inégalités et segmentation // Revue Française de Sociologie. 2006. Vol. 47, № 1.
6. Pones A., Zhou M. The New Second Generation: Segmented Assimilation and its Variants // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1993. Vol. 530, № 1. P. 74–96. DOI: 10.1177/0002716293530001006
7. Gans H. Second-generation decline: scenarios for the economic and ethnic futures of the post-1965 American immigrants // Ethnic and Racial Studies. 1992. Vol. 15, № 2.
8. Zhou M. Social Capital and the Adaptation of the Second Generation: The Case of Vietnamese Youth in New Orleans // International Migration Review. 1994. Vol. 28, № 4. P. 842–843.
9. Lagrange H. Le déni des cultures. Paris; Seuil, 2010. 350 p.
10. Foot Whyte W. Street Corner Society La structure sociale d'un quartier italo-américain: Paris, La Découverte/Poche, 2002. Première édition 1943.
11. Lepoutre D. Cœur de banlieue: Codes, rires et langages. Paris : Odile Jacob, 1997.
12. Lapeyronnie D. Ghetto urbain. Ségrégation, violence, pauvreté en France aujourd'hui. Paris : Robert Laffon, 2008.
13. Mohammed M. La formation des bandes. Entre la famille l'école et la rue. Paris : PUF, 2011.
14. Ribert E. Liberté, égalité, carte d'identité. Paris : La Découverte, 2006.
15. Simmel G. Digressions sur l'étranger / Y. Grafmeyer, I. Joseph (eds.). L'école de Chicago. Naissance de l'écologie urbaine, ed. Du Champ Urbain. 1979.
16. Park R. Human Migration and the Marginal Man // The American Journal of Sociology. 1928. Vol. 33, № 6.
17. Weil P. Liberté, égalité, discriminations. L'identité nationale au regard de l'histoire. Paris : Gallimard, coll. «Folio Histoire», 2009.
18. Schutz A. The Stranger. An Essay in Social Psychology // Collected Papers II. Studies in Social Theory. The Hague, Martinus Nijhoff, 1964.
19. Thomas W., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. New York : Alfred A. Knopf Inc., 1927.
20. Castel R. La discrimination négative. Citoyens ou indigenes? Paris : Seuil, la République des idées, 2007.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 12 ноября 2020 г.

Same Origins, Different Destinies: New Migrants vs Descendants of Migrants

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 103–109.
DOI: 10.17223/15617793/462/13

Claire Schiff, Université de Bordeaux (Bordeaux, France) E-mail: claire.schiff@u-bordeaux.fr
Michèle Debrenne, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: micheledebrenne@gmail.com

Keywords: France; immigration; acculturation; migrants' descendants.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and the French Fondation Maison des Sciences de l'Homme, Project No. 18-510-22001.

The article sheds light on certain peculiarities of immigration to France, which has become a multicultural country. The authors explain how the destinies of two categories of "immigrant" youth differ. The first are the "beurs", children and grandchildren of migrants who arrived in France during the 1960s and 1970s, generally from the Maghreb. The second are the "blédards", who migrated themselves from these countries during adolescence with their parents or in the framework of family reunification. After a short description of the successive waves of migration which have regularly reached France and a terminological clarification on the meaning of the words "foreigner" and "migrant", the authors show how the trajectories of those who are French citizens, know the language and have attended the school system from the start differ from those of newcomers, although the two groups are often confused. The article presents analysis from the theoretical works devoted to the study of different waves of migration, in the USA and in other countries, then focuses on a presentation of the educational trajectories of the new arrivals and those of the descendants of migrants. Particular attention is paid to migrants' adaptation to the labor market. Newcomers have less difficulty finding an internship than their classmates born in France. They are also more easily exploited, because they compensate their poor French language adopting a deferential attitude towards employers. When unemployed, they often find a job more easily than the descendants of migrants by relying on ethnic niches and networks of fellow citizens. The article underlines the role of the social environment in determining adaptation paths which can lead to acculturation and social mobility, to assimilation within a marginalized urban environment, or to economic integration into ethnic niches. The more hostile the environment and the less the migrants are adapted to the country's economic and cultural codes, the more the ethnic community tends to rely on itself in order to protect its children from a form of assimilation seen as harmful. Finally, the authors present the different attitudes of young people from the two groups towards the host society. For the descendants of migrants, it is common to assimilate to groups of young people in low-income neighborhoods and to copy the behavioral pattern characteristic of the inhabitants of these neighborhoods with a high concentration of immigrant and minority populations. When they are victims of stigmatization because of their ethnic origin or their neighborhood of residence, these young people become very critical, sometimes adopting oppositional attitudes to the French society to which they belong. On the other hand, newcomers struggle to find their place, as they still feel in transit, are not necessarily sure to stay in the country which they see as a haven comparing to the difficult living conditions of their native country.

REFERENCES

1. *Simon, P., Beauchemin, C. & Hamel, C. (2010) INED-INSEE, Trajectoires et origines. Enquête sur la diversité des populations en France. Premiers résultats.* Octobre 2010. Document de travail, n° 168.
2. Schiff, S. (2015) *Beurs et Blédards.* Le Bord de l'Eau.
3. Sampson, R.J. (2015) Immigration and America's Urban revival. *The American Prospect.* Summer. pp. 22–24.
4. *International Migration Review*. (1997) Immigrant Adaptation and Native-born Responses in the Making of Americans. 31.

5. Safi, M. (2006) Le processus d'intégration des immigrés en France: inégalités et segmentation. *Revue Française de Sociologie*. 47 (1).
6. Pones, A. & Zhou, M. (1993) The New Second Generation: Segmented Assimilation and its Variants. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 530 (1). pp. 74–96. DOI: 10.1177/0002716293530001006
7. Gans, H. (1992) Second-generation decline: scenarios for the economic and ethnic futures of the post-1965 American immigrants. *Ethnic and Racial Studies.* 15 (2).
8. Zhou, M. (1994) Social Capital and the Adaptation of the Second Generation: The Case of Vietnamese Youth in New Orleans. *International Migration Review.* 28 (4). pp. 842–843.
9. Lagrange, H. (2010) *Le déni des cultures*. Paris: Seuil.
10. Whyte, W.F. (2002) *Street Corner Society: La structure sociale d'un quartier italo-américain.* Paris: La Découverte/Poche.
11. Lepoutre, D. (1997) *Cœur de banlieue: Codes, rires et langages*. Paris: Odile Jacob.
12. Lapeyronnie, D. (2008) *Ghetto urbain. Ségrégation, violence, pauvreté en France aujourd'hui*. Paris: Robert Laffon.
13. Mohammed, M. (2011) *La formation des bandes. Entre la famille l'école et la rue*. Paris: PUF.
14. Ribert, E. (2006) *Liberté, égalité, carte d'identité*. Paris: La Découverte.
15. Simmel, G. (1979) Digressions sur l'étranger. In: Grafmeyer, Y. & Joseph, I. (eds.). *L'école de Chicago. Naissance de l'écologie urbaine.* Ed. Du Champ Urbain.
16. Park, R. (1928) Human Migration and the Marginal Man. *The American Journal of Sociology*. 33 (6).
17. Weil, P. (2009) *Liberté, égalité, discriminations. L'identité nationale au regard de l'histoire*. Paris: Gallimard. Coll. "Folio Histoire".
18. Schutz, A. (1964) The Stranger. An Essay in Social Psychology. In: *Collected Papers II. Studies in Social Theory.* The Hague: Martinus Nijhoff.
19. Thomas, W. & Znaniecki, F. (1927) *The Polish Peasant in Europe and America*. New York: Alfred A. Knopf Inc.
20. Castel, R. (2007) *La discrimination négative. Citoyens ou indigenes?* Paris: Seuil, la République des idées.

Received: 12 November 2020